

СТРАНИЦЫ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО ЕГИПТА

И. П. Беляев

В последние годы в Египте развернута кампания против политического наследия покойного президента Гамаль Абдель Насера. Подвергаются ожесточенным нападкам его внешнеполитический курс, антиимпериалистическая борьба, идеалы социальной революции в стране. В данном очерке предпринята попытка показать, как твердо и последовательно выступал Насер в защиту подлинной независимости Египта, с каких позиций наносил удары по ее врагам — старым и новым колонизаторам. Факты свидетельствуют, сколь вздорны утверждения врагов Египта, будто решение его национальных проблем должно находиться в руках тех самых империалистических кругов, которые поддерживают агрессию Израиля против арабов.

При всей сложности его социальной позиции, при всей неправильности его негативного отношения к египетским коммунистам нельзя забывать, что Гамаль Абдель Насер был выдающимся сыном своей страны. Он выше всего на свете ценил и защищал то, что способствовало развитию и процветанию Египта. Не случайно, а закономерно, что тогда одновременно с антиимпериалистическим курсом и борьбой против внутренней арабской реакции росла и крепла дружба Египта с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Насер считал эту дружбу стратегическим фактором, действие которого постоянно умножало возможности противостояния Египта всем его врагам. Он не представлял себе египетского патриота, который мог бы отвергать эту дружбу. Подрывать же ее могли только враги.

Одной из страниц недавнего прошлого Египта является его борьба против британского империализма еще в те годы, когда премьером Англии был Иден. Антони Иден видел Насера всего один раз, да и то по дороге из Лондона в Бангкок зимой 1955 года. Он сделал специальную остановку в Каире, чтобы посмотреть на молодого египетского президента. Иден не ожидал от встречи многого. Больше всего его беспокоила начатая Насером кампания против Багдадского пакта, причинявшая Англии немалые неприятности¹.

Насер часто и много думал о позиции Лондона². Еще до того, как в ночь на 23 июля 1952 г. «Свободные офицеры», секретная патриотическая военная организация в египетской армии подвела верные себе пехотные и танковые части к стратегическим пунктам в Каире и перекрыла шоссе, ведущие в Александрию и Суэц, чтобы низложить короля и захватить власть в стране, лидер будущего переворота мучительно размышлял о возможной позиции Англии. Конечно, в Лондоне не смирятся с потерей «своего короля», каким был для англичан Фарук. Англия оккупировала Египет 70 лет, и у нее было достаточно средств, чтобы воспротивиться перевороту. Британские войска все еще стояли в зоне Суэцкого канала, а их командующий генерал Эрскин был настроен весьма агрессивно. Насер знал, что тот выступал за военное вмешательство «в случае необходимости». Ну, а изобразить требуемую «необходимость» английская печать могла довольно легко. Даже для Каира! Лишь настоятельная рекомендация английского посла в Египте Ральфа Стивенсона не рисковать вовремя удержала Идена от принятия пагубного решения. В то время британский министр иностранных дел, хотя и с трудом, но еще прислушивался к трезвым голосам.

В день совершения переворота Египет одержал победу над империализмом. Еще одна британская интервенция в Египет не состоялась³. 26 июля 1952 г. бывший король Фарук отплыл из Александрии в Италию без какой-либо надежды на возвраще-

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden». L. 1960, p. 220.

² M. Heikal. Nasser. The Cairo Documents. L. 1972, pp. 75—118.

³ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 240.

ние в свои дворцы и на египетский трон. В стране началась революция. Но у будущего премьер-министра Англии оставались возможности для реванша. Иден довольно спокойно взирает на происходившее в Каире после переворота даже тогда, когда в каирских газетах был опубликован закон об аграрной реформе, хотя она наносила удар как по крупным египетским помещикам, так и по крупным капиталистам, на которых англичане всегда делали главную ставку.

Когда Фарук был легко свергнут и египетская монархия лежала в руинах, взоры многих противников новой, революционной власти невольно обратились к «Братьям мусульманам»⁴. Эта религиозная и в то же время политическая ассоциация, созданная в 1928 г. при прямой поддержке англичан, вначале ратовала всего лишь за «создание мечети», пробуждение чувства правоверных. Затем она перешла к активной борьбе за влияние и за власть. «Братья мусульмане» встретили начало июльской революции с надеждой на то, что восставшие офицеры, будучи неопытными политиками, в конце концов обратятся к ним, вручат им судьбу правительства, а сами возвратятся в казармы. Ничего похожего не случилось. Совет революционного командования (СРК), созданный немедленно после падения Фарука, даже начал притеснять «братьев». Тогда руководители ассоциации объявили Насеру форменную войну. Его провозгласили «врагом Аллаха № 1». На Насера было организовано несколько покушений⁵. Они закончились неудачно.

Для Насера, всегда стремившегося учитывать все «за» и «против» в начавшейся египетской революции, проблема «Братьев мусульман» никогда не была однозначной. Он, вероятнее всего, понимал, что руководители ассоциации представляли в Египте крайне правую реакцию. За их спиной, как и прежде, стояли англичане, рассчитывавшие их руками взорвать новую власть в Каире. Они действовали скрытно и, как правило, не давали повода для обнародования каких-либо материалов о своих связях с ассоциацией. Насер тщательно учитывал необычайно сильную религиозность египтян. Феллахи и городской люд считали свою духовную жизнь «запретной зоной» для кого бы то ни было. Лозунги «Братьев мусульман» находили у них живейший отклик. И даже поддержку. Насер не рискнул немедленно после начала революции поднять руку на «Братьев мусульман», что было бы просто опасным предприятием. Он сделал это только после того, как стала очевидна причастность ассоциации к попыткам устранить его физически и совершить контрреволюционный переворот. Ускорила развязку связь генерала М. Нагиба с «Братьями мусульманами». Номинальный лидер «Свободных офицеров» с помощью ассоциации намеревался навязать Египту «старый порядок». В ноябре 1954 г. Нагиб, после того как ему предъявили доказательства его регулярных контактов с руководителями «братьев», покинул все занимаемые им руководящие посты.

Ассоциация немедленно ушла в глубокое подполье, а англичане лишились еще одной возможности влиять на египетскую революцию. Египет одержал еще одну важную победу⁶. Хотя всеобщую войну «Братьям мусульманам» Насер тогда еще не объявил. Такая война требовала всесторонней подготовки. Для Насера гораздо важнее было сначала добиться ухода британских солдат из Египта. Соглашение об эвакуации Англией ее базы в зоне Суэцкого канала было подписано 19 октября 1954 г., но его еще предстояло выполнить...

Стивенсон прислал Насеру приглашение на обед в честь Идена со специальным посольским курьером. Сэр Ральф знал Египет, превосходно разбирался в сложнейших арабских проблемах. В течение всей своей многолетней службы в британском внешнеполитическом ведомстве посол решал одну задачу: стремился содействовать укреплению позиций Англии на Ближнем Востоке. Многие ему удавалось, чему, конечно, способствовали огромный опыт и тонкая политическая интуиция. Разумный совет посла Идену не идти на интервенцию в Египте после выступления «Свободных офицеров» в июле 1952 г. был не просто дальновидным. Стивенсон (возможно, лучше, чем другие британские дипломаты) представлял, к чему приведет столь рискованный шаг:

⁴ См. R. P. Mitchell. *The Society of the Muslim Brothers*. L. 1969.

⁵ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 259.

⁶ R. P. Mitchell. *Op. cit.*, pp. 154—155; «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 257.

Британская империя в этом районе мира окажется разрушенной гораздо раньше, чем можно было себе представить!

Посол Англии в Каире ждал приезда Идена со смешанным чувством. Ему, примерному службисту, отмеченному лаской королевы (отнюдь не все послы ее величества становятся сэрми!), могло казаться, что глава британского внешнеполитического ведомства поймет, наконец, что методы прежней имперской политики для Египта уже не годятся. Если бы Иден, встретившись с Насером, представил себе нечто подобное, многое для Англии можно было бы еще спасти на Ближнем Востоке. Когда стало известно, что Насер присоединится к участникам обеда в посольстве, настроение Стивенсона явно поднялось. Протокол, коему египтяне всегда придавали немалое значение, на этот раз не оказался помехой. Их президент вовсе не был шокирован тем, что Иден в то время был только заместителем премьер-министра.

Зимой 1955 г. английское посольство в Каире уже было не больше, чем символом катастрофического упадка Британской империи на Ближнем Востоке. Египетская национально-освободительная революция потрясла ее основы. Она, несомненно, способствовала мощному подъему антиимпериалистической борьбы арабских народов. Став одним из ответов на трагедию палестинцев, бывшую результатом империалистических интриг на Ближнем Востоке, начавшаяся в Египте революция все четче проявляла свой освободительный характер. Понимал ли происходившее Иден? Вряд ли, хотя слишком многие признаки грядущих бед для англичан обозначались все яснее. Насера в то время не покидала мысль о выполнении англо-египетского соглашения об эвакуации⁷. Для Египта выполнение этого соглашения могло стать началом новой эры — эры подлинной свободы. Ведь он одной из первых арабских стран добился формальной независимости. Египет обрел ее еще в 1922 году. Но чего на деле стоила эта независимость! Особенно после того, как Каиру был навязан англо-египетский договор 1936 года. Насер знал, что именно Иден подписал этот договор от имени Великобритании. Теперь предстояла встреча не только с прошлым английской политики на Ближнем Востоке, но и с ее будущим...

Иден, в смокинге с черным галстуком-бабочкой, ослепил Насера подлинно итоновской улыбкой. Нескрываемое удивление египетского президента вызвало обращение к нему английского министра иностранных дел по-арабски⁸. «Этого можно было бы и не делать», — поморщился Насер. Он не любил отвечать на заранее подготовленные фразы только ради того, чтобы показать, что собеседнику не чужд его родной язык⁹. Английский министр иностранных дел представил Насеру свою жену леди Клэрисс, стройную даму в длинном вечернем платье. Она искренне пожалела, что египетский президент приехал один. Ей, судя по всему, очень хотелось посмотреть на жену молодого офицера, заставившего отречься от престола короля Фарука.

Иден продолжал удивлять Насера, начав несколько пространно рассуждать о Коране, арабской поэзии и даже об арабской литературе. Он не без иронии, правда скрытой, заметил, что в молодости мечтал стать арабистом. — «Я даже думал, — заметил Иден, — а не посвятить ли мне свою жизнь изучению арабских проблем? Но, знаете ли, мировая политика оказалась более впечатляющей!»¹⁰. «Как неизбежна привязанность англичан к арабской легенде, — подумал Насер. — Нет, они недаром ставили такие фильмы, как «Багдадский вор», воскресивший героев сказок Шехерезады. И сегодня им кажется, что политику на Ближнем Востоке делают бедуинские воины, эмиры племен, кочующих по пустыням Аравии. Их руками англичане когда-то совершали чудеса. Лоуренс Аравийский, Гертруда Белл, наконец Джон Багот Глабб: разве не эти имена захватывали воображение тех, кто когда-либо пытался постичь неведомое — секрет успеха британской имперской политики в арабских странах, в том числе в Египте? Вот и Иден повторяет, по существу, то же самое. Неужели английские политики еще не поняли, что времена меняются, и меняются стремительно!»¹¹.

⁷ А. Хамруш. История революции 23 июля. Ч. 2. Бейрут. 1975 (на араб. яз.), стр. 11—39.

⁸ M. Heikal. Op. cit., p. 79.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Из беседы автора с Г. А. Насером в июле 1962 года.

Насер подумал, что между ним и английским министром иностранных дел продолжалась не заочная политическая дуэль, длившаяся уже несколько лет, а началась жаркая схватка за завтрашний день арабов. Иден напомнил Насеру о временах, приятных Лондону: о договоре 1936 года. Да, он действительно скрепил его своей подписью от имени Англии. За Египет договор подписал лидер Вафда, влиятельной помещичье-буржуазной партии, Нахас-паша и лидеры других египетских партий крупных землевладельцев, компрадоров и национальных капиталистов. Их всех вместе с женами пришлось везти в Лондон, чтобы продемонстрировать «единство» в отношении Англии¹². По необычайно злой проницательности судьбы благодаря именно этому договору, разрешившему египетскому правительству создание собственной армии, Насер в 1937 г. поступил в Каирскую военную академию и менее двух лет спустя стал офицером. А всего через 15 лет он вместе со своими товарищами, вошедшими в организацию «Свободные офицеры», начал революцию...

Насер не упустил возможности повернуть разговор с Иденом. Он искренне заметил английскому министру, что очень доволен соглашением между Египтом и Англией об эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала. «Я надеюсь, — продолжал Насер, — что оно положит начало новым египетско-английским отношениям. Я готов сделать максимум возможного, посвятить всю свою жизнь его выполнению. Единственное, что заставляет нас быть подозрительными в отношении намерений Англии в Египте, — Багдадский пакт».

«Почему Вы так настроены против Багдадского пакта?» — тотчас же спросил Иден. Насер напомнил о своем разговоре с Дж. Ф. Даллесом в 1953 г., когда тот приезжал в Каир. Тогда он терпеливо разъяснял государственному секретарю США, что Египет не намерен вступать ни в какой военный пакт, направленный против Советского Союза. Причина столь решительной позиции была единственной: Советский Союз не угрожал арабам. Насер откровенно сказал Идену, что Египет никогда не присоединится к какому-либо западному пакту.

— Я знаком со всеми подобными доводами, — небрежно бросил в ответ Иден. — Однако я хотел бы знать, почему Вы подвергаете нападкам таких честных политических деятелей, как Нури Саид?¹³ Или Хашимитскую династию в Ираке? Неужели только потому, что она верит в Багдадский пакт?

— Я не выступаю против кого бы то ни было лично, — продолжал Насер. — Однако я глубоко убежден, что самая идея создания Багдадского пакта разделяет арабский мир и имеет своей целью изолировать Египет. Ирак, наверное, вступит в пакт. Затем то же самое может сделать Сирия. Ее шаг, возможно, повторит Иордания. Вообразите себя на нашем месте, и Вы, господин Иден, многое поймете¹⁴.

Иден, разумеется, не хотел воображать себя на месте президента Египта. Он и без разъяснений Насера отлично представлял себе генеральную цель Багдадского пакта. Мысль о создании Багдадского пакта, участия в нем США и Англии пришла Идену в связи с его попытками спасти британские имперские позиции на Ближнем Востоке, подорванные к тому времени весьма основательно. Поэтому на будущий военный союз возлагались слишком большие надежды. Во-первых, он должен был стать важнейшим звеном в цепи агрессивных империалистических блоков вокруг Советского Союза. В частности, соединить НАТО с СЕАТО. Такая роль Багдадского пакта должна была гарантировать ему поддержку США. Он вписывался в печально известную схему антикоммунистических союзов Дж. Ф. Даллеса, разработанную применительно к его доктрине «взмездия». И в то же время Иден стремился исключить возможное участие Франции в Багдадском пакте. Не только потому, что она была занята в Алжире, где 1 ноября 1954 г. началась национально-освободительная война. С Англии достаточно было одного конкурента на Ближнем Востоке — США. С двумя конкурентами в одном пакте А. Идену было бы справиться трудней. Во-вторых, консервативное правительство в Лондоне полагало, что новый военный союз даст Англии возможность сильнее влиять на арабские страны, в том числе на Египет, где развертывалась национально-освобо-

¹² «The Memoirs of Sir Anthony Eden», pp. 224—225.

¹³ Нури Саид — консервативный арабский политик, ярый сторонник союза с Англией, в 1955 г. премьер-министр Ирака.

¹⁴ M. Heikal. Op. cit., p. 80.

дительная революция. С помощью Багдадского пакта ее можно было остановить, даже убить или, в худшем случае, направить в спокойное русло ничего не значащих реформ. В-третьих, А. Иден считал, что договор о создании нового военного союза на Ближнем Востоке заменит старые колониальные договоры, например, укрепит положение англичан в Иордании. Он писал в своих мемуарах:

«Я был обрадован, услышав новость о том, что премьер-министр Ирака Нури Саид подготавливал план усиления пакта Лиги арабских государств путем включения в него Турции с помощью Соединенного Королевства и США. Он договорился о встрече с турецким премьер-министром Мендересом и полковником Насером, чтобы обсудить свою идею. Насер был сильно настроен против. Однако Турция столь же сильно поддерживала идею Нури Саида. Мендерес посетил Багдад в январе 1955 года. Перед тем, как он покинул иракскую столицу, два премьер-министра объявили о своем намерении заключить пакт о сотрудничестве. К нему могли присоединиться другие заинтересованные страны района. Соглашение было подписано 24 февраля (1955 г.). Я полагал, что мы могли бы полностью поддержать эту инициативу, несмотря на то, что египетское правительство оказывало давление на Ирак с целью заставить его отказаться от идеи Нури Саида. Была возможность, что этот пакт мог бы вырасти в ближневосточный вариант НАТО»¹⁵.

В последней процитированной фразе — квинтэссенция замыслов Англии на Ближнем Востоке в середине 50-х годов. Она стремилась с помощью Багдадского пакта решить весь сложный комплекс собственных проблем в арабских странах¹⁶. Насер же своей непримиримостью мешал реализации английских планов. Вот почему он становился врагом У. Черчилля и А. Идена. Столпы британского империализма, вероятно, все чаще вспоминали в то время об «упущенных возможностях» не допустить опасного для Англии поворота событий в Египте. А что, если вокруг самого Египта и существовавшей в нем революционной власти, рассуждали некоторые консервативные политики в Лондоне, создать обстановку непримиримости и даже ненависти со стороны других арабских стран? В этом случае у новой власти в Каире не будет иного выхода, как подчиниться. Вынужденно, но все-таки подчиниться. В этом случае господа офицеры во главе с Насером отправятся в казармы. Разве такой финал начавшейся революции в Египте плох? В египетском правительстве снова появятся привычные для англичан лица, и с ними можно будет поладить, а не спорить без надежды на успех. Возможно, англичанам даже придется уйти из зоны Суэцкого канала, но только при условии, что Египет вступит в Багдадский пакт, а Англия приобретет право возвращаться в ту же зону по своему усмотрению. И не только в случае действительной угрозы своим позициям на Ближнем Востоке, но и во время маневров того же НАТО или Багдадского пакта.

— Откровенно говоря, — продолжал английский министр иностранных дел, — нас мало беспокоит Ваша оппозиция Багдадскому пакту. Англия готова вступить в переговоры с Египтом. Мы могли бы обсудить египетские проблемы. Однако Англия не в состоянии одобрить позицию Египта в отношении арабских стран¹⁷.

Насер особенно обостренно воспринимал роль своей страны в арабском мире¹⁸. Египет всегда был признанным лидером арабов. Все, что происходило в Каире, немедленно отзывалось мощным политическим эхом во всех арабских столицах. Действительно, Египет не только самая большая арабская страна. С июля 1952 г., после того, как Совет революционного командования приступил к важным социальным преобразованиям в стране — аграрной реформе и другим, его роль в арабском мире стала ведущей, прогрессивной. Иден, как и другие британские политики, ничего подобного понимать не хотел. Он мерил происходившее на Ближнем Востоке на старый имперский аршин¹⁹.

— Вряд ли позволительно забывать о том гигантском значении, — продолжал Иден, — которое имеет для Англии арабская нефть. Какой бы аспект ее Вы ни взяли, господин президент, стратегический или экономический. — Английский министр иностранных дел (наконец-то!) говорил правду. На Британских островах не было сво-

¹⁵ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», pp. 219—220.

¹⁶ Ibid., pp. 221—222.

¹⁷ М. Нейкал. *Op. cit.*, p. 81.

¹⁸ A. Nutting. Nasser. L. 1972, p. 89.

¹⁹ «President Gamal A. Nasser's Speeches and Press-Interviews». Cairo. 1958, p. 182.

ей нефти. Все «черное золото» ввозилось в Англию с Ближнего Востока. Иран, Ирак, страны Аравийского полуострова для Лондона всегда были прежде всего источниками нефти и нефтепродуктов. Их потребляли не только английская промышленность и сухопутный транспорт, но и королевский военно-морской флот, торговые корабли, обеспечивавшие то самое мировое морское могущество, которое в послевоенное время существенно отличалось от морского могущества в недавнем прошлом. Если раньше это понятие базировалось на размере военно-морских флотов, то теперь оно сводилось прежде всего к способности метрополии обеспечить свою торговлю на морях мирового океана. Не будь гарантированного судоходства по Суэцкому каналу, Красному морю и Баб-эль-Мандебскому проливу, по которым день и ночь шли танкеры с нефтью и гигантские сухогрузы под британским флагом, английскому благополучию мог бы быть нанесен чувствительный удар...

— Скажите, господин министр, — обратился Насер к Идену, — какая из сур Корана Вам понравилась больше других?.. Конфронтации не состоялось. Спустя несколько минут президент Египта откланялся и уехал. Когда Насер сел в поданную автомашину, его взгляд всего на несколько мгновений встретился с глазами сэра Ральфа. В них он прочел почти отчаяние... — Я был очень рад повидаться с Вами, посол! — сказал ему Насер. Дверца лимузина захлопнулась. Ворота с вензелями Елизаветы II стояли настежь. На улице большая толпа ожидала выезда своего президента...

Британский министр иностранных дел улетел из Каира уверенным в успехе своей политики в этом регионе. В Багдаде, где он сделал следующую остановку, Иден попросил Нури Саида действовать и «не обращать внимания на оппозицию Насера». Насер же принял свой разговор с Иденом очень близко к сердцу²⁰. «Он разговаривал со мной, как принц с бродягой!» — раздраженно заметил египетский президент, рассказывая своему окружению о встрече с британским министром²¹.

Египетская печать умножила нападки на Багдадский пакт. В Каире журналисты не жалели слов, искренне разоблачая замыслы английского империализма на Ближнем Востоке. В египетских газетах то и дело появлялись статьи, показывающие прислужничество Аднана Мендереса и Нури Саида перед Лондоном и Вашингтоном, их личную заинтересованность в том, чтобы с помощью Англии и США защитить себя и свой режим. Багдадский пакт очутился в политической осаде, что обеспечило в конце концов убийственный эффект. Разумеется, для Англии. Сирия категорически отказалась даже обсуждать вопрос о присоединении к пакту. Насер после получения этой обрадовавшей его новости немедленно вспомнил о предсказании Идена, смысл которого сводился к тому, что нападки Египта на английское детище не приведут ни к чему. Скверно для Англии складывалась обстановка в Иордании. Лондону никак не удавалось навязать королю Хусейну обязательство вступить в пакт. Что только не утверждали тогда британские дипломаты: и невозможность примирить Насера с Хашимитами, и что им приходилось навязывать арабам совместный с США военный союз. Вот если бы англичане действовали, как прежде, в одиночку, тогда бы вокруг Багдадского пакта не было никакого шума. Уж они-то всегда были искусными «тихими дипломатами»!

Подобного рода суждения, доходившие до Насера через печать и со страниц конфиденциальных докладов, вызывали у него только улыбку и уверенность, что империалисты на Ближнем Востоке по-прежнему не могут понять непоколебимого нежелания арабских народов подчиняться их влиянию. А старые испытанные средства, обеспечивавшие колониальный эффект в прошлом, отказывали. Секрет нараставшего успеха насеровской кампании против Багдадского пакта был прост: Египет защищал свою независимость, первые успехи разворачивавшейся антифеодальной и антиимпериалистической революции. Англия же вела на Ближнем Востоке форменные арьергардные бои, хотя ее политики себе в этом не признавались. Для нее новый пакт стал той самой «последней крепостью», стены которой уже не выдерживали огня тех, кто непрестанно атаковал империализм в данном районе. Когда специальная египетская военная миссия прибыла в Лондон для ведения переговоров о получении английских танков «Центурион», за которые заплатил еще Фарук, ей было заявлено, что танки будут отгружены,

²⁰ A. Nutting. Op. cit., p. 89.

²¹ M. Heikal. Op. cit., p. 81.

если Египет прекратит нападки на Багдадский пакт²². Иден превосходно знал, что Насер нуждается в современном оружии, и решил воспользоваться этим. Британский министр иностранных дел понимал, что, если ему не удастся остановить египетскую прессу, широко известную в других арабских странах, могло случиться самое страшное: Багдадский пакт мог бы остаться на бумаге...

У. Черчилль ушел в отставку. 6 апреля 1955 г. Елизавета II поручила сформировать новое правительство Англии его преемнику на посту лидера консерваторов сэру Антони Идену²³. Для Насера полученная в тот день новость из Лондона была не из приятных. Президент Египта отдавал себе отчет в том, что Иден по-прежнему будет уделять Ближнему Востоку особое внимание. Тем более что новый британский премьер-министр считал себя арабистом! Старые привязанности дают о себе знать и в политике. Насер учитывал, что обстановка в других районах мира складывалась для Англии отнюдь не благоприятно. Если вспомнить, что арабская нефть приобретала для Западной Европы все большее значение, то положение Египта после прихода Идена к власти могло серьезно осложниться.

Насер негласно распорядился создать специальный комитет, которому поручил разобраться в возможных последствиях факта появления нового британского премьер-министра для англо-египетских отношений²⁴. В него вошли несколько послов и специалистов-экспертов. Председателем комитета президент попросил быть доктора Махмуда Фавзи²⁵. Насер всегда испытывал к этому видному египетскому дипломату и юристу особое уважение, считал его непревзойденным знатоком проблем международного права. Едва перед Египтом возникла необходимость выступить с какой-то политической инициативой по тому или иному вопросу, как Насер неизменно обращался за консультацией к Фавзи. Тот не отказывал молодым офицерам в помощи, понимая, что в основе предполагаемых мер лежат идеи защиты национальных интересов Египта. Последнее обстоятельство неизменно побуждало Фавзи относиться к поручениям Насера архидобросовестно. Комитет пришел к весьма примечательным выводам: Иден, несмотря на то, что пост министра иностранных дел в его правительстве займет Селвин Ллойд, будет наверняка продолжать оставаться «главой собственного внешнеполитического ведомства». Иными словами, новый британский премьер не перестанет проводить внешнюю политику Англии по собственному разумению; Иден, не без основания утверждали эксперты, сыграет в своем новом качестве особую роль на Ближнем Востоке. Он знал историю района. К тому же все объективные наблюдатели, как считал комитет, должны обязательно учитывать, что Черчилль создал «особые» отношения Англии с США, обеспечив «оборону» Англии (с помощью НАТО) за счет американцев. США же монополизировали Дальний Восток. Единственной «английской сферой» в полной мере оставался Ближний Восток²⁶. Ему-то Иден наверняка и посвятит значительную часть своего времени и энергии.

Комитет попытался наметить основные направления, на которых, как считали эксперты, новый британский премьер-министр сосредоточит свои усилия: Иден попытается предвосхитить действия США в аравийских княжествах. Англия должна опередить американцев. Разумеется, для того, чтобы ослабить позиции США на Аравийском полуострове. К весне 1955 г. там уже имело место столкновение между английскими и американскими нефтяными компаниями. Поддерживаемый Англией султан Маската изгнал людей «Арамко»²⁷ из оазиса Бурайми, на который претендовала Саудовская Аравия, и конфисковал принадлежавшее им поисковое оборудование. На первый взгляд стычка не должна была иметь слишком громких последствий. Однако когда Иден появился в Белом доме, чтобы обсудить с президентом США Д. Эйзенхауэром важные проблемы Западной Европы, он был крайне удивлен, обнаружив на столе генерала подробную крупномасштабную карту Аравийского полуострова. Президент

²² Ibid.

²³ R. Churchill. The Rise and Fall of Sir Anthony Eden. L. 1959, p. 194.

²⁴ M. Heikal. Op. cit., p. 81.

²⁵ Фавзи — с 1952 г., после переворота в Каире, стал послом Египта в Лондоне, занимал посты министра иностранных дел, премьер-министра, вице-президента страны.

²⁶ Речь идет о выводах египетских экспертов.

²⁷ «Арамко» — сокращенное название американской нефтяной компании «Арабизн-Америкэн Ойл компани», действующей в Саудовской Аравии.

США не хотел начинать никаких переговоров до тех пор, пока британский премьер-министр не обсудит с ним (да еще в деталях) проблему Бурайми! Члены комитета Фавзи знали о случившемся в Вашингтоне от Насера. А он получил доверительную информацию о разговоре Эйзенхауэра с Иденом из первых рук — от Сауда, короля Саудовской Аравии, претендовавшей на оазис Бурайми с давних времен и пользовавшейся в этом поддержке США. Поэтому, предполагали члены комитета, британский премьер-министр наверняка попытается сплотить аравийские княжества под эгидой Англии, чтобы они возможно более активно противостояли притязаниям США в этом районе Ближнего Востока. Еще одной задачей Идена явится осуществление его старого желания — обеспечение вступления арабских стран в Багдадский пакт. Наконец, третьей задачей нового премьер-министра могла стать попытка изолировать Египет. Только после достижения этой цели Иден сможет рассчитывать на «нейтрализацию» Насера. Тогда нападки египетской печати на Багдадский пакт Лондону будут не страшны!²⁸

Египтянам с наступавшей угрозой можно было бороться по-разному. В частности, в Каире раздавались призывы найти путь к «примирению» египетских и английских интересов на Ближнем Востоке. В самом деле, размышляли сторонники подобного подхода, что нам стоит прекратить действительно резкую кампанию против Багдадского пакта? То есть, не вступая в пакт, ослабить напряженность в отношениях с могущественной Великобританией. Нет, эти люди не были предателями. Они скромно, но настойчиво взывали к осторожности, предпочитая ей все остальное. Примиренцы, или, как их называл Насер, «оппортунисты», испытывали страх перед возможностью новых столкновений с Лондоном: англичане нас все равно побьют или в любом случае обманут. Смелости, твердости, необходимых для борьбы за суверенитет Египта, у них никогда не было. Насер пошел по другому пути. По пути продолжения борьбы против империализма на Ближнем Востоке. Он назвал призывы примиренцев капитулянтскими. Последнее выражение немедленно подхватили египетские журналисты-демократы. Оно стало символом позорного пресмыкательства перед империализмом. Позиция Насера была сильной, отвечала жизненно важным интересам Египта, пользовалась поддержкой народа. Прежде всего потому, что она учитывала стремление египтян восстановить свое национальное достоинство, попранное колонизаторами.

Насера никогда не покидало еще одно соображение. Вместе с другими членами Совета революционного командования, взявшего на себя после переворота 23 июля 1952 г. функции высшего законодательного и исполнительного органа Египта до восстановления гражданского правления, он опасался усиления влияния левых в стране. Возглавленная Насером секретная военная организация «Свободные офицеры» выражала устремления прежде всего средних социальных слоев Египта. Амплитуда их политических колебаний была очень большой. Однако в лице египетских левых, прежде всего коммунистов, лидеры «Свободных офицеров» из-за своей классовой природы и ограниченности с самого начала революции видели конкурентов в борьбе за власть. Насер ни в коем случае не хотел выпускать из своих рук лидерство в антиимпериалистической борьбе египетского народа, демонстрируя, что армия, как и 23 июля 1952 г., продолжает стоять во главе революции. Со своей стороны, египетские левые, все демократические элементы страны в весьма сложных условиях оказывали все возросшее влияние на ход национально-освободительной революции в Египте.

Разумеется, английские политики были далеки от учета внутреннего политического фактора в Египте. И продолжали совершать все новые и новые ошибки. Лавина выступлений египетской печати и радио против Багдадского пакта давала знать о себе все острее. Нури Саид даже обвинил Англию в том, что английское правительство... примирилось с подрывной деятельностью Насера! В Лондоне не нашли ничего лучшего, как произвести демарш перед Вашингтоном и обвинить американцев в том, что они не предпринимают ничего против президента Египта²⁹. США по-своему тоже были заинтересованы в создании Багдадского пакта. Им никак не хотелось, чтобы в новом военном союзе на Ближнем Востоке по старой привычке командовала Англия, а потому они не спешили с присоединением к пакту и уж тем более не хотели предпринимать что-либо против Насера. Он им казался возможным союзником. Американские полити-

²⁸ M. Heikal. Op. cit., pp. 81—82.

²⁹ Ibid., p. 82.

ки рассчитывали потеснить Англию в Египте. Дж. Ф. Даллес, тогда государственный секретарь США, рассчитывал окружить Советский Союз цепью сориентированных на Запад агрессивных военных союзов. Он называл ее «оборонительным барьером» против «русского коммунизма».

Даллес рассчитывал решить еще две задачи: не допустить, как он выражался, «проникновения» Советского Союза на Ближний Восток и всемерно укрепить там позиции США. Зная об антианглийских и антифранцузских настроениях арабов, Даллес не спешил с поддержкой нового военного союза, создание которого инспирировала Англия. Выступая по радио 1 июня 1953 г. (после возвращения из своей поездки на Ближний Восток), государственный секретарь США заметил, что система коллективной безопасности в данном случае должна появиться в результате «усилий изнутри». Это было недвусмысленно истолковано как предложение в адрес Англии предоставить арабам возможность самим проявить инициативу в деле создания военного союза, а не навязывать им Багдадский пакт. Любой другой вариант Даллес считал просто нереальным. В одном из не увидевших свет его меморандумов прямо указывалось: «Английские позиции (на Ближнем Востоке.— И. Б.) слабеют настолько быстро, что их уже невозможно восстановить. Английские войска, все еще находящиеся в районе, стали скорее фактором нестабильности, чем стабильности... Нет никакого уважения к Франции как к политической силе... Израильский фактор и ассоциация США (в умах людей) с французским и английским колониализмом и империалистической политикой стали жерновами, вращающимися вокруг нашей шеи». Бюро по делам Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии госдепартамента убедило государственного секретаря, что статус полного члена Багдадского пакта настроит против США не только Насера, но и других арабских лидеров, у которых были сильны антианглийские, антиколониалистские настроения³⁰. Однако Даллес хотел добиваться американских целей на Ближнем Востоке, не портя внешне своих отношений с Англией. Именно это соображение продиктовало его решение о присоединении США к Багдадскому пакту... в качестве «наблюдателя»³¹.

У Франции всегда были немалые интересы на Ближнем Востоке, а тем более в Северной Африке. До 1956 г. арабский Магриб — Тунис, Алжир, Марокко и Мавритания — находился в прямой или косвенной зависимости от нее. После того, как Франции пришлось примириться с независимостью Туниса и Марокко, Алжир и Мавритания еще оставались ее владениями. Французские правительства считали свои интересы в Северной Африке для метрополии жизненно важными и осуществляли в этом регионе неизменный политический курс, направленный на их защиту. Географически этот регион примыкал к Южной Европе, омывался водами Средиземного моря. Ну, а это практически, любили повторять в те годы в Париже, — сама Франция! В начале 50-х годов обстановка на Ближнем Востоке и в Северной Африке в значительной степени регулировалась Тройственной декларацией. Обнародованная в мае 1950 г., она была производным англо-франко-американской политики в регионе, реакцией империалистических держав на израильско-арабское перемирие, заключенное в 1949 году. Важнейшей частью декларации являлось взятое на себя Англией, Францией и США обязательство контролировать поставки оружия в страны Ближнего Востока. Предусматривались политические консультации на этот счет между Лондоном, Парижем и Вашингтоном, что на первых порах вселяло уверенность в действия французской дипломатии как в арабских странах, так и в Израиле.

После начала 1 ноября 1954 г. национально-освободительной войны в Алжире отношения Франции с Египтом резко ухудшились. Затем то же самое произошло в отношениях с другими арабскими странами. Они поддержали алжирских патриотов, что было вполне естественным. Давал о себе знать общий подъем антиимпериалистического национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. В ответ Франция все активнее поддерживала Израиль, став в середине 50-х годов основным поставщиком оружия для его армии, что неминуемо привело к дальнейшей эрозии франко-арабских отношений. Премьер-министр Франции социалист Ги Молле тоже считал Насера врагом Франции на Ближнем Востоке № 1. Ухудшением франко-арабских отношений по-своему воспользовались как Иден, так и Даллес. Еще в 1945 г., выступая на пресс-

³⁰ T. Hoopes. *The Devil and John Foster Dulles*. Boston—Toronto. 1973. p. 322.

³¹ R. Love. *Suez. The Twice Fought War*. N. Y. 1969, p. 194.

конференции, генерал де Голль заявил: «На Ближнем Востоке Франция по причине своего интеллектуального, духовного и морального влияния, на базе своих особых связей с арабскими странами, в течение веков играет кардинальную роль. Со своей стороны, Англия, вообще говоря по несколько иным причинам, особенно по торговым, и руководствуясь заботой о морских путях, тоже играет в этих же странах важную роль, которую она всегда хотела играть...»³². Из этого заявления генерала де Голля следовало, что после окончания второй мировой войны Франция, пусть нехотя, но все же считалась с английскими интересами на Ближнем Востоке. Чего нельзя было сказать об Англии! Выступив с инициативой создания Багдадского пакта, Иден с самого начала исключил участие в нем французов.

Для Дж. Ф. Даллеса ослабление позиций Франции в арабских странах сулило реальную возможность усиления позиций США на Ближнем Востоке. Вашингтон не замедлил воспользоваться тактикой Идена. Американский государственный секретарь практически с самого начала даже не ставил вопроса о привлечении Франции в новый пакт. В Париже это знали и соответственно оценивали позицию Дж. Ф. Даллеса. Франция и Израиль, каждый по своим причинам, выступили против Багдадского пакта. В Вашингтоне всегда отдавали себе отчет в том, что Египет—ключевой район Ближнего Востока. Только после овладения им можно было начать думать всерьез о распространении влияния США на весь район. В госдепартаменте эксперты по арабским странам постоянно напоминали, что Турция, а после начала кризиса Османской империи и Англия некогда укрепляли свои империи захватом Мальты и Египта. Именно Мальта и Египет были теми двумя важнейшими территориями, овладение которыми открывало продвижение на Восток, обеспечивало путь в теплые моря Индийского океана... Эта формула немедленно напомнила о себе после того, как Суэцкий канал связал кратчайшим путем Европу с Азией. Позднее Египет превратился в узел воздушных сообщений между тремя материками. К первым двум добавилась Африка.

Англия всегда опиралась в своей политике на Ближнем Востоке на арабские страны. В конце концов, дело не только в нефти. Как решающий фактор политики это проявилось еще в годы первой мировой войны. Чувствуя себя уверенно в отношениях с арабами, Лондон мог не беспокоиться за свои позиции в Иране, Индии, всей Азии, на Дальнем Востоке, хотя в этом районе мира после второй мировой войны англичанам приходилось все чаще отступать. Естественно, что в связи с этим Египет становился для внешнеполитического и колониального ведомств Англии³³ архиважным. В августе 1955 г. английский министр иностранных дел Селвин Ллойд заявил египетскому послу в Лондоне, что Лондон готов прекратить свои усилия, направленные на вовлечение других арабских стран в Багдадский пакт, если Египет прекратит свои нападки на пакт³⁴. Ллойд действовал явно с учетом качеств традиционных арабских политиков того времени, которых англичане неплохо знали. Речь идет об элементе сделки в любой их акции. Англия предлагала Египту что-то вроде обмена: в ответ на прекращение вербовки арабских стран в Багдадский пакт Каир должен был пойти на равноценный ответный политический шаг в пользу Лондона. Ллойд конфиденциально заверял египетского посла, что заключалось джентльменское соглашение. Оно вступало в силу немедленно.

Вслед за этим шагом последовал еще один. Его предпринял сам британский премьер-министр. В ноябре 1955 г. Иден, выступая с речью в Гилдхолле (Лондон), предложил план урегулирования арабо-израильского конфликта. Базой соглашения конфликтующих сторон должны были стать новые границы Израиля «между линиями перемирия 1949 года и линиями раздела Палестины в 1947 году»³⁵. Арабы восприняли речь главы английского правительства с удовлетворением, что свидетельствовало об их стремлении не только отказаться от казавшейся непримиримости в отношении Израильского государства, но и заключить с ним мирный договор, который положил бы конец спору вокруг вопроса о его существовании. Президент Египта немедленно заявил,

³² Ph. de Saint Robert. Le feu de France en Méditerranée. P. 1970, p. 15.

³³ В Англии в 1955 г. наряду с министерством иностранных дел существовало министерство колоний.

³⁴ M. Heikal. Op. cit., pp. 82—83.

³⁵ R. Stephens. Nasser. A Political Biography. L. 1971, p. 167.

что речь Идена содержит конструктивные элементы, которые могут стать основой дискуссии³⁶. Следовательно, в 1955 г., даже после израильского рейда на Газу³⁷, Египет в отличие от Израиля был готов к урегулированию израильско-арабских проблем. Условием урегулирования, по мнению Насера, могло стать стремление учесть как права израильтян, так и права палестинских арабов, как и арабов вообще.

Дискуссия не состоялась. Как показали последовавшие за речью Идена в Гилдхолле события, Англия на деле не хотела способствовать в 1955 г. достижению какого-либо соглашения о признанных границах Израиля. Если бы ее действия не были откровенно спекулятивными по своему характеру, то, возможно, не случилось бы многих кризисных ситуаций на Ближнем Востоке как в 50-е, так и в 60-е годы³⁸. В Каир начала поступать информация, что Иден катастрофически быстро терял качества уверенно и последовательно действующего государственного деятеля. Насер склонялся к мысли, что британский премьер-министр заболел³⁹. В английской прессе появились статьи, подтекст которых заключался в констатации отсутствия лидера и твердого руководства у консервативной партии. Авторы некоторых из них выражали откровенную тревогу за будущее интересов Англии на Ближнем Востоке.

Неожиданно Иден, вопреки обязательствам Ллойда, направил фельдмаршала Г. Темплера в Амман с целью принудить Иорданию вступить в Багдадский пакт⁴⁰. Насер пережил несколько трудных недель. Англичане обманывают Египет! Значит, те, кто утверждал, что бывшая метрополия все равно получит выгодные для нее политические преимущества на Ближнем Востоке, но в ущерб национальным интересам Египта, были правы? Он не хотел верить в такой ход событий. Но ему пришлось это сделать. Несколько иорданских министров сообщили Насеру, что посетивший Амман президент Турции Джевал Баяр энергично уговаривал короля Хусейна дать согласие на присоединение Иордании к пакту⁴¹. В самой Иордании произошли волнения, пало правительство. В различных городах страны начались стычки между войсками, полицией и участниками демонстраций, протестовавшими против вступления Иордании в Багдадский пакт. Хусейн отказался подчиниться нажиму. У него не было другого выхода. Он спасал трон и себя. Фельдмаршал Темплер ни с чем улетел в Лондон.

Насер еще раз убедился, что Иден, несмотря на заверения Ллойда, не держит своего слова⁴². В ответ на нарушение соглашения (с Ллойдом) Египет снова открыл огонь по всей английской политике и британским имперским интересам на Ближнем Востоке. Надо отдать должное Насеру. Президент тонко чувствовал силу воздействия печатного и устного слова на арабов. 1 марта 1956 г. Селвин Ллойд прилетел в Каир. В отличие от Идена новый британский министр иностранных дел рассчитывал провести с Насером серьезные переговоры. С его точки зрения, они могли оказаться для Лондона чрезвычайно важными⁴³. Насер к тому времени заключил соглашение о пос-

³⁶ Ibid.

³⁷ В феврале 1955 г. израильские войска под предлогом «борьбы с террористами» совершили налет на Газу, палестинскую территорию, управлявшуюся Египтом. В результате рейда было убито 49 египетских военнослужащих и много мирных арабов. В чем истинная причина рейда израильской армии? Ведь до февраля 1955 г. на египетско-израильской границе было спокойно, и Насер даже поддерживал негласные контакты с представителями «миротворцев» в Израиле — министром иностранных дел М. Шаретом и его сторонниками. Д. Бен Гурион, бывший в течение многих лет премьер-министром Израиля, рассуждал иначе: «Два новых фактора стимулировали его «сирийские» размышления: англо-египетское соглашение о британской эвакуации зоны Суэцкого канала и рост популярности Насера в январе 1955 г. как динамичного нейтралистского арабского лидера нового типа». Насер воспринял израильский рейд в Газу, ставший символом неудач Шарета, с тревогой. «День 28 февраля 1955 г. был поворотным пунктом, — говорил он впоследствии. — Эта катастрофа в Газе была сигналом тревоги. Мы желали немедленно изучить проблему важности мира и баланса сил в районе» (E. V. Childers. *The Road to Suez*. L. 1962, pp. 125, 178).

³⁸ Иден, видимо, считался с позицией США в отношении Израиля.

³⁹ M. Heikal. *Op. cit.*, p. 83; T. Robertson. *Crisis. The Inside Story of the Suez Conspiracy*. L. 1965, p. 13.

⁴⁰ K. Love. *Op. cit.*, p. 203.

⁴¹ M. Heikal. *Op. cit.*, pp. 83—84.

⁴² Ibid., p. 84.

⁴³ A. Nutting. *No End of a Lesson. The Story of Suez*. L. 1967, pp. 28—29; M. Heikal. *Op. cit.*, p. 84.

тавках Египту оружия из социалистических стран. С помощью Советского Союза он приступил к созданию национальных вооруженных сил, способных защищать границы страны. Опасность новых нападений Израиля, вроде рейда на Газу, не только не исключалась, а даже возрастала. На Западе чрезвычайно встревожились: не означает ли заключение Насером «соглашения с Советами об оружии — поворота Египта на Восток»? Такой же вопрос стоял и перед самим Насером. Лидер египетской революции не был социалистом и в 1956 г. не собирался им становиться.

Насер считал себя египетским патриотом и стремился к тому, чтобы новая власть в Египте служила всему народу. Разумеется, за исключением короля, откровенных агентов английских колонизаторов, крупных помещиков и компрадоров. Насер считал всех египтян членами единой национальной семьи, отрицал классы и классовую борьбу. Среди них, по мнению молодого президента Египта, были хорошие и плохие люди. Наладив отношения между ними, установив справедливое распределение всего, что производилось в стране, между всеми ее жителями, он искренне надеялся искоренить эксплуатацию. Подобные наивные рассуждения Насера были самой настоящей утопией. Жизнь не оставила от нее камня на камне. В 1958 г., особенно после создания Объединенной Арабской Республики на базе союза Египта и Сирии, он выступал лишь с позиций арабского национализма, что ограничило его как политического деятеля. Через три с половиной года после создания ОАР, 28 сентября 1961 г., союз Египта и Сирии развалился, что, как подчеркивал сам Насер, было результатом заговора сирийской реакции против начавшихся прогрессивных реформ. Насеру пришлось признать факт существования реакционных политических сил, выступивших против курса на национализацию, признать существование классов и классовой борьбы.

Переворот в Дамаске помог Насеру глубже понять происходящее и в Египте. Его решением было продолжать начатые прогрессивные реформы. Схватка со «своей» буржуазией вылилась в целую систему антикапиталистических мер. В 1962 г., выступая на Конгрессе народных сил в Каире, он объявил о том, что капитализм не может являться будущим его страны. Генеральной целью египетской революции провозглашался социализм. В последующие годы Насер все более решительно опирался на рабочих и крестьян, союз трудовых сил народа, на поддержку патриотически настроенной интеллигенции. Египетская буржуазия стала его смертельным противником. Такова вкратце эволюция политических и идеологических взглядов Насера⁴⁴. Она заняла много времени. Однако для всех непредубежденных исследователей ясно, что как руководитель одной из крупнейших освободившихся стран, избравшей социалистическую ориентацию, он шел влево. Естественно, что в 1956 г. его взгляды существенно отличались от взглядов 1969—1970 годов. С самого начала секретная организация «Свободные офицеры», руководившая переворотом в ночь на 23 июля 1952 г., стояла на националистических позициях. По мере расширения рамок революции Египет все чаще демонстрировал свое стремление стать подлинно самостоятельным как во внутренней, так и во внешней политике. В ответ страна столкнулась с откровенным противодействием Запада. Именно империализм, выдвигавший неприемлемые условия оказания экономической помощи, вынуждал Насера решать проблемы страны с радикальных патриотических позиций. И самоотверженно защищать достоинство Египта в международных делах...

Ллойда приняли в Каире подчеркнуто доброжелательно. Насер приехал во дворец «Ат-Тахра» на обед, хотя как президент мог бы этого не делать. Он обошел это протокольное препятствие легко: обед устроил министр иностранных дел Египта Махмуд Фавзи. Насер хотел обсудить с Ллойдом все спорные вопросы и откровенно высказать ему некоторые претензии, но ни в коем случае не нарушая правил хорошего тона⁴⁵. Президент напомнил британскому министру иностранных дел о своем разговоре с Иденом, в том числе о Багдадском пакте и о том, как нынешний премьер-министр Англии пренебрег соображениями «молодого египетского офицера». Подверглись тщательному разбору египетско-английские отношения. Президент в деталях разъяснил суть согла-

⁴⁴ Подробнее о путях эволюции Г. А. Насера как государственного и политического деятеля см.: И. Беляев, Е. П р и м а к о в. Египет: время президента Насера. М. 1974, стр. 288—324.

⁴⁵ М. Н e i k a l. Op. cit., p. 84.

шения о поставках советского оружия⁴⁶. Из его слов следовало, что появление этого соглашения — прямой результат политики Запада. Ведь Англия и США отказали Египту в оружии и оставили его беззащитным перед лицом любой опасности. Ллойд в ответ старался казаться предельно дипломатичным. Он даже предложил «открыть новую страницу» в англо-египетских отношениях. Появление столь неожиданного предложения настораживало. Либо Англия действительно поняла, что с новым революционным режимом в Египте шутки плохи, либо Иден пытается притупить бдительность Насера и намерен обрушиться на него новые неприятности. Первое предположение отпало автоматически. В Лондоне не хотели разговаривать на равных ни с Индией, ни с Египтом. К представителям бывших английских колоний там относились заметно сдержанно...

В 9 часов вечера Насер и Ллойд сели за стол в дворцовой столовой. Начался, хотя и несколько позже обычно принятого времени, деловой обед. За столом был и английский посол в Каире Хэмфри Тревельян. Он сменил сэра Ральфа, хотя и не унаследовал в полной мере его прозорливости. Новый посол еще только предпринимал первые уверенные шаги на своем поприще в Каире, хотя был одним из самых авторитетных британских дипломатов. Во время обеда, едва хозяин и гости приступили к первому блюду, случилось нечто непредвиденное. Вошедший в зал шеф президентского протокола передал Тревельяну записку. Оба вышли в холл, и посол внимательно выслушал какое-то сообщение, переданное ему спешно прибывшим во дворец его личным секретарем. Не выразив даже намека на тревогу, Тревельян вернулся к столу и занял свое место, ничего никому не сказав. Только на обратном пути, когда посольский «Роллс Ройс» мягко катил по улицам Гелиополиса, он показал Ллойдю текст депеши из Лондона: король Иордании Хусейн сместил генерала Глабба и предложил ему незамедлительно покинуть Амман⁴⁷.

Пока же Ллойд деликатно подводил Насера к обсуждению возможности вступления Иордании в Багдадский пакт. С его точки зрения, вполне реальной. Английский министр иностранных дел говорил о готовности короля Хусейна сделать это и о той поддержке, которую якобы ему оказывает «его народ». «Не разделяю оптимизма Глабба, — заметил Насер. — Я слишком хорошо знаю народ Иордании. Он против Багдадского пакта. И против генерала. Деятели вроде Глабба не имеют каких-либо отношений с массами. Их дни сочтены!» — Сколь горька ирония судьбы! Ллойд, явно не желавший повторять беседу Идена с Насером, впал в ошибку своего патрона. Он оставался обычным, хотя и высокопоставленным, британским дипломатом. Ллойд проигрывал даже Стивенсону. Тот, будучи послом ее величества в Каире, понимал, что в Египте началась новая национальная революция. Она исключала империализм как партнера. Сэр Ральф надеялся, что Лондон найдет, наконец, новые методы и средства проведения своей политики на Ближнем Востоке. Он явно переоценивал возможный динамизм британских консерваторов. В английском министерстве иностранных дел продолжали верить только в старые привязанности.

Британский империализм породил на Ближнем Востоке целую плеяду проводников и защитников своих интересов. Одним из них был Глабб. Генерал превосходно говорил по-арабски. Он был в состоянии абсолютно точно узнавать в собеседнике выходца из того или другого иорданского племени. Глабб частенько отправлялся в пустыню, кочевал в палатках бедуинов, за что прослыл среди них «своим человеком». Немногие иностранцы удостоивались такой высокой чести. Есть с бедуинами их хлеб, пить с ними кофе «сыновей пустыни» из одного кофейника — все это прокладывало верный путь к сердцам тех, кто оказывал огромное влияние на формирование настроений в Иордании. Глабб создал арабский легион, надежное войско иорданского короля, и командовал им. Но этот пост был лишь одним среди множества негласных постов, занимаемых им в Аммане. Он имел чин генерала и всегда оставался самым близким советником не только короля Иордании, но и его приближенных. Особое внимание Глабб уделял королеве Зейн, матери Хусейна. Бесспорно, королева-мать — очень волевая женщина (ее сверлящий взгляд выдерживал далеко не каждый из силь-

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ H. Trevelyan. The Middle East in Revolution. Boston. 1970, pp. 63—64.

ных мира сего), неплохо разбирающаяся в политике, особенно в британской, на Ближнем Востоке. Ее величество всегда ратовала за то, чтобы отгородиться от арабской Палестины. Она ненавидит палестинцев. Зейн не раз замечала, что все беды Хашимитов — от неуемного аппетита короля Абдаллы: ему не нужно было после первой израильско-арабской войны присоединять к Трансиордании остатки арабской Палестины! Не случись этого, трон в Аммане был бы в безопасности, да и сам король был бы жив. Его надежно охраняли черкесы⁴⁸ и английские офицеры. Абдалла спокойно правил бы, не вмешиваясь, на горе ей и другим членам монаршей семьи, в опаснейшую арабскую политику⁴⁹. Хусейн, ее сын, взойдя на престол, всегда прислушивался к словам королевы Зейн. И генерала Глабба. В этом малорослом, отнюдь не бравом на вид, но недюжинного ума человеке король видел свою, как ему недолго казалось, самую надежную опору. Если генерал был рядом, значит, ему ничто не грозит! И вот Глабб теперь наскоро собрал свои вещи и готовился к отлету из Аммана. Его время в Иордании кончилось. Он тоже, радуя за вступление Хашимитского королевства в Багдадский пакт, пал жертвой верности все тем же старым привязанностям британских колонизаторов...

Ллойд почувствовал себя необычайно уязвленным. Ему показалось, что Насер еще до начала их переговоров знал о происшедшем в Иордании и откровенно морочил ему голову. В его душе клокотало самолюбие. Ллойд даже счел уместным начать говорить об обмане⁵⁰. Насер же узнал о случившемся со слов главного редактора каирской газеты «Аль-Ахрам» Хейкала только на следующее утро. Хейкал, в свою очередь, получил информацию от Тома Литтла, английского корреспондента, сопровождавшего Ллойда. Англичанин позвонил Хейкалу и попросил прокомментировать новости из Иордании. На следующий день Ллойд предстояло вылететь на Бахрейнские острова. Утром намечалась еще одна встреча с Насером. Египетский президент, едва поприветствовав английского министра, высказал совершенно неожиданную догадку: «Я думаю, что случившееся в Иордании было блестящим ходом с Вашей стороны!» Насер подумал, что разговоры Ллойда о «новой странице» вполне искренни, если они сами убирают из Аммана такого человека, как Глабб. Президент не мог поверить, что Хусейн принял решение о высылке генерала самостоятельно. Такое решение король мог принять только по совету англичан. «Господин министр, — сказал президент в ответ на упреки Ллойда, — я не располагаю кнопками, нажимая на которые, мне удавалось бы нацеливать события в арабских странах в нужном для меня направлении. В частности, не в моих силах начинать и кончать революцию в них! Тем не менее, я готов оставаться верным тому, о чем мы говорили с Вами вчера...»⁵¹.

История часто вносит свои поправки в прогнозы обстановки в той или иной стране, даже если с ними рискуют выступать опытные эксперты и политики. В данном случае ни оценка Насером сути событий в Иордании, ни тем более оценка их Ллойдом не были верными. Оба, по разным мотивам, не представляли себе заранее, что миссия Темплера, потерпев фиаско, могла вызвать настолько резкую реакцию народных масс, всех патристических сил этой арабской страны, что король Хусейн окажется вынужденным выслать генерала Глабба. На глазах у всего мира произошло нечто уму непостижимое. Король Иордании восстал против недальновидной политики англичан. Безнадежно ошибался Ллойд. У египетского лидера действительно не было кнопок, нажимая на которые, он приводил бы в движение те или иные политические силы на Ближнем Востоке. Однако благотворное влияние победы Советского Союза и антигитлеровской коалиции над германским фашизмом и японским милитаризмом и создания социалистического содружества, его успехов на национально-освободительную борьбу арабских народов, а затем и влияние антифеодальной и антиимпериалистической рево-

⁴⁸ В XIX в. адыгские феодалы с приближенными и сородичами стали переселяться с Кавказа на Ближний Восток. Сейчас в Турции, Сирии и других странах насчитывается около 150 тыс. адыгов (черкесов и др.). Многие из них издавна служат в иорданской королевской гвардии.

⁴⁹ Абдалла вел переговоры с Голдой Меир, а через нее — с израильским правительством, за что его убил в Иерусалиме молодой палестинец (Y. Elizur, E. Sulpenberg. *Who Rules Israel?* N. Y. 1973, pp. 46—47).

⁵⁰ R. Stephens. *Op. cit.*, pp. 180—181.

⁵¹ M. Heikal. *Op. cit.*, pp. 85—86.

люции, начавшейся на берегах Нила в июле 1952 г., ощущалось в арабских странах все больше и больше⁵².

Англия, все еще не воспринимая начавшийся подъем национально-освободительного движения на Ближнем Востоке, всерьез пыталась спасти свои позиции в арабских странах, сосредоточивая усилия на действиях против отдельных политиков. Иден окончательно пришел к выводу, что главным врагом Лондона в арабских странах стал Насер. Не египетская революция, а ее лидер! Снова старые ошибки... Но, повторяя их, британский премьер-министр попадал в еще более опасное для имперской политики положение. Бывший в то время государственным министром иностранных дел Англии А. Наттинг писал впоследствии: «Как один из тех, кто провел с Иденом целый вечер и половину ночи, споря с ним о причинах смещения Глабба, я смог констатировать, что тогда он весь свой гнев сосредоточил на Насере и отводил любой аргумент в пользу вывода о том, что Хусейн, принимая свое решение, руководствовался своими личными соображениями. В тот фатальный день Иден решил, что мир тесен, чтобы вместить его и Насера одновременно. «Египетский диктатор» (по его мнению.— И. Б.) должен был быть уничтожен тем или иным путем. В противном случае Насер разрушит позиции Великобритании на Ближнем Востоке и его, Идена, положение как премьер-министра»⁵³.

Последнее соображение А. Наттинга объясняет многое в поведении Антони Идена весной 1956 года. Он считал себя «спасителем» Британской империи на Ближнем Востоке. За ним и его правительством стояли те консервативные круги Англии, которые не желали расставаться с былым могуществом в этом регионе. Они выражали интересы и стремления тех английских монополистических групп, которые были связаны с нефтедобывающей промышленностью Ближнего Востока, с давних времен пользовались преимуществами в закупке египетского и суданского хлопка, поддерживали обширную и выгодную торговлю с большинством арабских стран. 7 марта 1956 г. в палате общин английского парламента состоялись дебаты о положении на Ближнем Востоке. Глава так называемой «Суэцкой группы» Ч. Уотерхауз, той самой, которая призвала не уходить отсюда, заявил в ходе дебатов: «Англия — все еще могучая держава, и при необходимости нам следует применить силу»⁵⁴. Экстремистам-консерваторам казалось, что время для этого уже настало. Идена словно бы подталкивали к катастрофе. Сила все еще была на стороне Англии. Но право, уверенность в торжестве, справедливость — на стороне Египта.

⁵² Ibid.

⁵³ A. Nutting, Nasser, p. 18.

⁵⁴ В. Г. Трухановский. Антони Иден. М. 1974, стр. 385—386.

(Окончание следует.)